

Алехин Эдуард Владимирович

кандидат социологических наук,
доцент кафедры государственного управления
и социологии региона
Пензенского государственного университета

Неделько Сергей Иванович

кандидат исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой государственного управления
и социологии региона
Пензенского государственного университета

НАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННОГО СОЗНАНИЯ И МОДЕЛИ МОДЕРНИЗАЦИИ В РОССИИ

Аннотация:

В статье анализируются общественно-политические основания трансформационных процессов государства и общества в России по типу модернизации. Выявляются главные закономерности развития социально-политической системы, сложные прямые и обратные связи между состоянием общественного сознания и политико-экономическими изменениями в российском социуме.

Ключевые слова:

модернизация, общественное сознание, политическая система, власть, государственное управление.

Alekhin Eduard Vladimirovich

PhD in Social Science,
Assistant Professor, Public Administration
and Regional Sociology Department,
Penza State University

Nedelko Sergey Ivanovich

PhD in History,
Professor, Head of Public Administration
and Regional Sociology Department,
Penza State University

NATIONALISATION OF SOCIAL CONSCIOUSNESS AND THE MODELS OF MODERNIZATION IN RUSSIA

Summary:

The article analyses the social and political bases of state and society transformation in Russia according to the type of modernization. The authors discuss the main regularities of the socio-political system development, complex direct and feedback relations between the state of social consciousness and political and economic changes taking place in the Russian society.

Keywords:

modernization, social consciousness, political system, authority, public administration.

Тематика модернизации всех сторон общественной жизни в нашей стране актуальна не только в настоящее время в связи с намерениями государственной власти, но и как минимум в последние 300 лет. Она то выступает в роли своеобразной национальной идеи, «палочки-выручалочки», способной преобразовать страну и помочь преодолеть пресловутое отставание от передовых государств Запада, то отступает на второй план, почти сходя на нет не столько в практической сфере, сколько в области общественного сознания и широких дискуссий, но никогда не исчезает полностью.

Данное положение вещей вызвано тем, что сама идея модернизации в том виде, в каком она укоренилась в России, является продуктом преобразований, связанных с именем Петра I, которые обусловили своеобразную приватизацию сознания образованного слоя и общественной мысли Западом. Общим местом стало утверждение, что именно Петровские реформы привели не только к очередному резкому изменению всего общественного бытия России, что было и после батыева погрома или принятия христианства, но и к непреодолимой культурной пропасти между дворянством, превратившимся в результате реформ в рабовладельческий и землевладельческий класс, установивший властную монополию в стране и для ее удержания отгородившийся культурно (в самом широком смысле слова) от всего традиционного из допетровской Руси, и остальным населением страны. Правящий класс начал рассматривать государство как поле приложения заимствованных им западных теорий и концепций, которые он усваивал в процессе получения сформированного на западный манер образования, ради его всесторонней модернизации и превращения в подобие европейских стран, а народ России – как скопище варваров, ждущих просвещения и привития цивилизованности [1]. Согласно заимствованной античной традиции правящий класс видел себя в роли оплота и светоча передовой западной цивилизации, призванного модернизировать «варварскую Россию».

Образцы для подражания и проекты модернизации могли меняться с течением исторического времени: от петровского «регулярного государства» через русское «преторианство» середины XVIII в., либеральную монархию британского образца, капитализм, марксизм XIX в., приведшие к окончательному слову петровской системы, до либеральной демократии конца XX в.

Неизменными оставались модель модернизационных проектов, механизмы их формирования, развития и попытки реализации. Модернизация в России до сих пор имеет исключительно заимствованную теоретическую основу, она является неотъемлемой частью европеизированного сознания, которое представляет общественную ситуацию в стране в парадигме «застой – модернизация» и не может иначе.

Теоретическая основа, задающая общее направление или определяющая стратегический план трансформаций, в силу оторванности от российской практики всегда выступает в умозрительном виде и включает ряд положений, подчас радикально отличающихся от предыдущей теоретической базы. Преобразования на подобной основе почти всегда предполагают едва ли не полный разрыв с предшествующим общественным строем и укладом жизни и выливаются в революционные действия, иногда осуществляемые под контролем Власти, хотя степень этого контроля всегда относительна. Под Властью с большой буквы следует понимать не только правящий класс, но и интеллигенцию в особом русском смысле этого термина, обозначающего людей разных классов, социального положения, уровня образования: от «вечных студентов» до крупных функционеров, сделавших политику и общественную проблематику главным интересом своей жизни, как было во времена реформ Петра I, Александра II, Горбачева, Ельцина.

Массы иногда выходят из-под контроля, если не полностью, то в очень значительной степени, государственная власть переходит к ранее маргинальной части Власти, а степень влияния неевропеизированных или не до конца европеизированных слоев населения на события в стране резко возрастает, как было в 1917 и последующих годах [2]. Однако в подобных, наиболее ярких и впечатляющих, случаях всесторонней модернизации России проявлялась и другая закономерность, имманентно присущая данной модели трансформации: процесс всегда протекал в реальности не так, как предусматривалось в очередной теории, а на гибридной основе. То есть рушившийся старый уклад в модифицированной форме становился неотъемлемой частью нового порядка, служившего целью модернизации. При этом происходила частичная регенерация элементов того общественного уклада, который был объектом предыдущих преобразований на основе предшествующей теоретической базы.

В результате на практике новая модернизация формировала следующий трехсоставный гибрид. Одна из его частей порождалась сознательными усилиями Власти, предпринимаемыми под влиянием разных факторов социально-экономического, политического развития западных стран и всегда имевшими системно сформулированную теоретическую концепцию: от абсолютизма, либерализма, марксизма, социализма до «открытого общества» и постиндустриального информационного социума на основе рыночной конкурентной экономики и либеральной демократии. Вторая часть складывалась из обломков модернизируемого общественного строя. Третья – из регенерирующих укладов той системы, которая была объектом предыдущих изменений [3]. В менее ярких случаях «частичной» модернизации и реформирования вечно отсталой российской действительности цели могли быть вполне утилитарными, не требующими фундаментальных теоретических разработок. Неизменным оставался механизм их осознания правящей элитой и внедрения в жизнь.

К сожалению, начиная с XVIII в. российская модель модернизации жестко антагонистична любому предшествующему укладу. Антагонизм проистекает из нескольких фундаментальных вещей: приватизированного сознания; объективного закона гибридизации; а также частичных социальных деградации и регенерации, происходящих на гибридной основе. Рассмотрим их подробнее. Приватизированность общественного сознания Власти в России, обусловленная влиянием информационно-образовательной подсистемы цивилизации Запада, направленной на культурную экспансию вовне, вызвала к жизни рассматриваемую модель модернизации.

Приватизированность сознания проявляется в следующем. Власть смотрит на совершающееся в России сквозь призму западных теорий и концепций, она может анализировать общественные процессы, проходящие в стране, исследовать ее прошлое, настоящее, планировать будущее на западнцентричной основе, исключая учет истинных намерений, традиций, возможностей и предпочтений граждан государства. Таким образом, всякая Власть, начиная очередной модернизационный проект как в плановом порядке, так и в условиях революционного кризиса, заявляет о его необходимости в первую очередь для народа. Затем, когда реальные трудности воплощения намерений в жизнь начинают резко негативно сказываться на гражданах, Власть говорит о «неправильности» населения, желательности смены нескольких поколений и полной «переделке» народа, чтобы проект восторжествовал в задуманном виде. И так последние 300 лет. Есть от чего прийти в отчаяние или, по крайней мере, задуматься о причинах происходящего, но приватизированное сознание и сам способ осмысления действительности, им определяемый, не дают Власти этого сделать.

Кроме того, приватизированность сознания проявляется в эклектичности действий в ходе преобразований, когда государственная власть начинает работать в режиме пожарной команды, реагируя на бесконечно возрастающее количество «вызовов». Весь стройный в теории план в действительности отправляется в мусорную корзину, хотя правящий класс и пытается ему следовать со страстью неопитов, приобщившихся к тайному и всепобеждающему знанию.

Это объясняется таким фундаментальным признаком российской модели модернизации, как затеоретизированность и сверхидеологизированность любого модернизационного проекта. С одной стороны, это придает действиям Власти таранную силу невиданной мощи, она буквально сметает разными способами любое принципиальное сопротивление проекту, с другой – отражает сочетание в ее действиях идеологически обусловленных мероприятий, осуществляемых по принципу «пусть все погибает, лишь бы теория торжествовала», с весьма прагматичными, оппортунистическими мерами, вполне укладывающимися в рамки обывательского здравого смысла и вызванными непреодолимым противостоянием той общественной среды, с которой приходится иметь дело очередной заемной концепции.

Данные действия – лишь полубессознательная реакция государственной власти на действительность, рефлекс самозащиты, без которого продолжать проект нет никакой возможности. Именно они приводят к формированию на практике гибридных общественных структур и укладов в полном соответствии с законом социальной гибридизации, выявленным в ходе осмысления преобразований в России. Жесткое противостояние проектной концепции и общественной реальности с неизбежностью приводит к тому, что модернизация в рамках данной модели может проводиться только через гибридизацию, во-первых, заимствуемых структур и моделей, служащих эталоном и целью проекта; во-вторых, отвергаемых укладов, трактуемых как устаревшие и неэффективные; в-третьих, частично восстанавливаемых структур и традиций, отринутых в ходе реализации предыдущего проекта.

Здесь проявляется еще один закон – частичной социальной регенерации, вызываемый к жизни в том числе потому, что всякая «новейшая теория» пытается привнести в социально-экономическую, политическую, социально-культурную жизнь страны такие уклады и структуры, которые не имеют шансов укорениться в ней иначе, чем через систему правовых норм, устанавливаемых сверху и нуждающихся, особенно вначале, в силовой и сверхинформационно-пропагандистской ежеминутной поддержке со стороны Власти. Это определяет ту роль государства и бюрократии в России, с которой так не хотят мириться либералы-западники, не понимая, что они сами, как это ни парадоксально, являются главной причиной, порождающей всевластие чиновничьего аппарата в стране, начавшееся с реформ Петра I и продолжающееся по сегодняшний день.

Все их попытки отодвинуть реальность всевластия бюрократического аппарата управления в стране в допетровские времена представляют собой лишь порождение их приватизированного сознания и ничего общего с исторической действительностью во всей ее полноте не имеют, но это не является предметом данной статьи. Привносимые таким образом уклады разрушают вполне адаптированные, работоспособные, не исчерпавшие свой потенциал, жизненно необходимые в условиях России структуры, поэтому начинается регенерация, казалось бы, уничтоженных предшествующим модернизационным проектом традиций и систем. В частности, это происходит на наших глазах с институтом религии и церкви, внепартийным и надпартийным главой государства, партиями как институтом агитации и пропаганды, а не базовой части государственного механизма управления, семейными фирмами как основой малого бизнеса и т. д.

Необходимо помнить, что все перечисленное существует на рассмотренной гибридной основе и регенерирующие уклады, институты носят такой же трехсоставный гибридный характер, как у привносимых новым проектом и оставшихся от общественного строя, являющегося непосредственным объектом очередной модернизации. Здесь мы вплотную подошли к осмыслению третьего закона, определяющего механизм развивающихся процессов в рамках модели трансформации: частичной социальной деградации, происходящей при реализации любого проекта.

Мы снова сталкиваемся, казалось бы, с явным парадоксом: Власть затевает модернизацию, а на практике происходит частичная деградация не только социального и духовного бытия страны, но и экономического и политического. На самом деле парадокса нет, напротив, это абсолютно закономерный процесс, ведь гибридизация требует разрушения традиций и объектов, которые выполняли в обществе значимые функции. Кроме того, для замены их формирующимся гибридным укладом или институтом необходимо время.

Для реализации данной модели нужны колоссальные издержки и задействование всех видов ресурсов, в ее основе лежит деградация духовного, творческого потенциала общества, оскудение его самостоятельности и социально-культурной, духовно-нравственной активности. Она требует принести все это в жертву в обмен на готовые рецепты социального развития, приучает Власть и народ к потребительству в ущерб творчеству, грубому материализму за счет обеднения

духа, а в конечном счете ведет к упрощению социальных структур и связей, атомизации общества и прекращению любого истинного развития, возможного лишь в условиях развития нравственно и духовно независимого социума, осознающего собственные цели без духовных и интеллектуальных «посредников».

Подобная модель может «опрокинуть» сегодняшнюю Российскую Федерацию в небытие при масштабной попытке реализации модернизационных планов. Страна исчерпала лимит на трансформацию подобного типа, но это не значит, что государству не нужны никакие изменения. Напротив, Россия нуждается в коренной реконструкции той последней гибридной модели, созданной в результате очередной модернизации по западным лекалам на рубеже 80–90-х гг. XX в. Однако это должна быть модернизация принципиально иного типа на основе национально ориентированного общественного сознания и общественной мысли, русскоцентричная, при которой ситуация оценивается исходя из опыта традиционного социума, а преобразования вписываются в канву сложившихся укладов, структур, представлений, норм и стереотипов поликонфессионального и полиэтнического современного населения государства. Модернизацию необходимо осуществлять без оглядки на зарубежные авторитеты, без опоры на западноцентричные концепции и без расчета на всестороннюю или частичную интеллектуальную, финансовую, политическую помощь Запада, осознанно или неосознанно присутствующего у Власти.

Реализация данной концепции потребует серьезнейших интеллектуальных и творческих усилий, иного способа мышления, но это необходимо. Разработка новой модели модернизации – главная задача социальных наук и институтов, обеспечивающих общественную стабильность, преемственность и развитие. В ее рамках должны быть представлены абсолютно нестандартные механизмы и мероприятия во всех областях общественной жизни современной России (от информационно-культурной и политической до социально-экономической).

Ссылки:

1. Солоневич И.Л. Народная монархия. М., 2003.
2. Милуков П.Н. Очерки по истории русской культуры. М., 1990.
3. Зиновьев А. Россия на распутье. М., 2011.

References:

- Milyukov, PN 1990, *Essays on the History of Russian Culture*, Moscow, (in Russian).
Solonevich, IL 2003, *People monarchy*, Moscow, (in Russian).
Zinoviev, A 2011, *Russia at a crossroads*, Moscow, (in Russian).